

люди!), а займемся стороной фактической. Так ли мало было известно античным ученым о природе знакомых им физических явлений? Намного ли их способ построения гипотез отличался от нашего?

Представьте себе группу почтенных древнегреческих мужей, собравшихся за столом и рассуждающих на темы, часто далекие по своей сложности от застольных. Постоянный участник этих бесед Плутарх записывает все, что говорится за столом. Позднее он объединит свои записи в девять книг, ставших известными как «Застольные беседы» Плутарха.

...Итак, трапеза окончена, и Плутарх садится за рукопись. Пишет он тонкой кисточкой из стебля камыша, время от времени макая ее в раствор сажи с клеем. Полюбопытствуем, что интересного было сказано сегодня за столом:

«Рассматривался вопрос, почему люди старшего возраста читают, отодвигая написанное от глаз, а вблизи разглядеть не могут. Это подтверждает Софокл, говоря о старике:

*Невнятны звуки речи для ушей его,
И вдаль хоть видит, но вблизи он слеп совсем.*

Если у стариков органы чувств отзываются преимущественно на сильные и резкие воздействия, то почему же старики при чтении не выносят отблеска букв на близком расстоянии и, отодвигая книгу подальше, развлекают этот блеск воздухом, словно вино водой?».

Ах, вот оно что, Плутарха и его сотрапезников заинтересовала проблема дальновидности. Это должно быть интересно. Прочтем еще:

«Некоторые отвечали на это, что из каждого глаза исходит световой конус, вершина которого находится у глаза, а основание охватывает видимый предмет; до некоторого расстояния каждый из конусов простирается в отдельности, но, удалившись, они совпадают друг с другом и образуют единое свечение; предмет освещается уже двумя глазами, и буквы достигают большей отчетливости. Так мы поднимаем двумя руками то, что не можем одной».

Любопытно, как здесь проявилась нелюбовь собеседников к эксперименту, свойственная некоторым античным мыслителям. (Заметим, что это ни в коей мере не относится к Клавдию Птоломею, Герону Александрийскому или Архимеду, тщательно проводившим свои эксперименты с точностью, удивительной при скромных технических средствах, которыми они располагали.) Не может быть, чтобы ни один из присутствующих за столом (а здесь, в основном, люди зрелого возраста) не страдал дальновидностью. Ведь ничего не стоило закрыть один глаз и убедиться в несправедливости этих рассуждений. Возможно, никто не хотел признать себя стариком:

«Мой брат Ламприй сказал, что мы видим благодаря образам, приходящим к нам от предметов. В начале своего пути образы грубы и землисты и приводят в расстройство слабые глаза стариков. Несясь же по воздуху, грубые части отпадают, а более тонкие безболезненно проходят в зрительные поры стариков. Так запах цветов, несущийся с лугов, издали чист и благороден, вблизи же полон землистых и загрязняющих примесей. Я же, соблюдая платоновское направле-